

И. И. МЕШАНИНОВ

ГЛАГОЛ

АН С.-П. — 1912

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Сказуемое и глагол	5
1. Глагол и сказуемое, их отличительные признаки	5
2. Предикативность в инкорпорированных построениях	9
3. Предикативность в аморфном строе предложения	22
4. Предикативность в морфологически оформленных членах предложения	27
Глава II. Грамматические категории глагола	38
1. Изменение по лицам	38
2. Времена и виды	59
3. Наклонения	72
4. Глагол в предложениях различного смыслового содержания	81
5. Залоги	93
6. Зависимость залога от семантики предложения	118
7. Зависимость залога от семантики глагола	125
Глава III. Глагольные и именные формы сказуемого	134
1. Глаголы состояния и их отношение к именным формам. Глаголы действия	134
2. Унификация глагольной формы при нейтральном подлежащем	141
3. Вспомогательный глагол и связка	157
4. Основные признаки сказуемости и глагольности	179
Заключение	191

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*
Технический редактор Р. А. Аронс
Корректор Г. Н. Антик
*

РИСО АН СССР № 3210.
Подписано к печати 13/II 1949 г.
М-00417. Печ. л. 12^{1/2}. Уч.-изд. л. 18.75
Тираж 5000. Зак. 1373.

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, 12

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ им. Н.Я.МАРРА

**АКАДЕМИК
И. И. МЕЩАНИНОВ**

ГЛАГОЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1949

ВВЕДЕНИЕ

Изучение процесса образования частей речи относится к числу сложнейших и в то же время интереснейших тем, подлежащих разрешению общим языкознанием.

Весьма обширная тематика общего языкознания не может обойти молчанием вопрос о частях речи. Вопрос о них ставится всегда, к какому бы языку ни подходили исследователи. Он возникает даже тогда, когда выделение лексических групп вызывает сомнения. Языковед настолько привык встречаться с частями речи в широком охвате самого разнообразного лингвистического материала, что его подход к анализу грамматического строя любого языка неминуемо упирается в необходимость выяснения тех разграничительных признаков, по которым разбирается на части лексический состав изучаемого языка. Но части речи, прослеживаемые в языках самых разнообразных структур, все же не дают одного общего для них всех стандарта, по которому можно было бы без особого труда проводить требуемое деление.

Части речи имеют свою историю. Их выделению предшествовал длительный период весьма интенсивного развития человеческой речи, осложняемой растущими потребностями общения. Грамматические формы не случайны в своем возникновении и развитии. Они социально обусловлены не в одном только своем использовании. И появление их находит свое объяснение в той же социальной в них потребности. Оформление слова выполняет определенную социальную функцию, которая не остается одной и той же. Ее изменение отражается на грамматической форме, иногда в ее построении, иногда в ее социально значимом содержании.

Всякий изучаемый язык в своем современном состоянии дает сочетание разнообразных форм, различных по происхождению и вовсе не одновременных в своем возникновении. Процесс их изменения продолжается в любом живом языке.

Каждая отдельно взятая группировка лексического состава дает исключительное богатство самых разносторонних сведений, вскрывающих причину ее становления и крайне сложные и разнообразные пути ее движения в общем ходе развития всей языковой структуры. Охватить весь процесс становления частей речи и даже все пути возникновения какой-либо одной из них — задача слишком сложная и едва ли сейчас посильная. В частности — глагол, которому посвящается настоящая моя работа, вовсе не относится к числу тех частей речи, которые получают свое оформление на наших глазах. Наоборот, он уходит в своем генезисе в глубочайшие слои истории, и формы его действующих построений, не в деталях, а в ведущих их линиях,

теряются в отдаленном прошлом. Поэтому приходится заранее оговориться: в последующем изложении мною будет затронут вовсе не весь вопрос целиком, а только некоторые положения, легшие основанием для выделения глагола как особой лексической группировки. Грамматические ее показатели различны и многообразны в своем внешнем выявлении. Некоторые из них яснее выступают при сравнительном обзоре глагольных форм в языках различных систем и в той или иной степени поддаются сопоставлениям и истолкованию. На них я и обращаю свое преимущественное внимание.¹

Я считаю такой предваряющий обзор не лишним, хотя бы потому, что в нем ставится вопрос о происхождении одной из виднейших лексических групп и выясняется исторический ход ее развития. В этих целях естественным образом приходится прибегать к широкому привлечению сравнительных параллелей из языков, в которых глагол выступает в различных его отношениях к другим частям речи, то отдаляясь, то сближаясь с ними, и в которых сами характеризующие его признаки далеко не тождественны.

¹ Общая характеристика глагола как части речи дается в другой моей работе — «Члены предложения и части речи» (1945, стр. 240—259).

Глава I

СКАЗУЕМОЕ И ГЛАГОЛ

1. ГЛАГОЛ И СКАЗУЕМОЕ, ИХ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Привлекая к сравнению языки различного строя, можно легко убедиться, что глагол в них не отличается одинаковыми свойствами. В некоторых построениях сказуемого бывает даже крайне затруднительно усмотреть наличие глагольной формы. Для того чтобы яснее представить себе, имеется ли она или нет, приходится особое внимание в первую очередь направить на уточнение общего понимания глагола, на выявление его синтаксического положения в строе предложения и на особенности его отношений к другим выделяемым частям речи. На этой теме уже приходилось останавливаться в моей работе, посвященной членам предложения и частям речи в их общем обзоре. Сейчас я подхожу к той же теме, пытаюсь дать ее в более развернутом изложении и в более детализованном виде, что не могло входить в задачу предыдущего моего труда.

Тогда, говоря о частях речи вообще и с неминуемой необходимостью привлекая к сравнению различные языковые системы, мы не могли не обратить нашего внимания на то, что глагол может в различных языках получать самые разнообразные внешние формы, далеко не одинаковые даже при передаче ими одного и того же содержания. Получающиеся расхождения в оформлении различными языками одной и той же части речи приводят к тому, что нам приходится прежде всего выделять для каждого языка ему присущие грамматические глагольные показатели. Они рассматриваются как внешние показатели тех общих свойств глагола, которые именно в означенных грамматических признаках выступают в данном языке и являются в нем характерными для глагола. С другой стороны, уточнение значения действующих в каждом отдельно взятом языке грамматических категорий глагола, то есть его формально выраженных признаков, показывающих его общие глагольные свойства, ведет к необходимости выяснения того, что же такое представляют собой те основные глагольные свойства, на которых останавливается сейчас наше внимание и без которых немислимо существование грамматических категорий самого глагола.¹

Только при наличии этих основных и общих для всякого глагола свойств можно говорить о его конкретных в каждом языке грамма-

¹ На определении понятия грамматических признаков частей речи (их грамматических категорий) я сейчас не останавливаюсь, так как оно дается в моей работе «Члены предложения и части речи» (1945, стр. 189—195).

тических категориях, так как последние в каждом отдельно взятом языке являются выразителями определенного, общего для всех языков синтаксического содержания. И если таким общим содержанием оказывается в данном случае сказуемость, то она и будет одним из тех признаков, которые во всех языках дают основание судить о возможном наличии глагольной формы. Именно этот общий для всех языков признак, сказуемость, и получает в различных языках далеко не сходное внешнее выражение. Тем не менее, внешнее выражение сказуемости, выступающее в глагольных грамматических категориях во всем своем разнообразии, все же объединяется этим уже упомянутым общим признаком, остающимся одинаковым для каждого языка. Став на такую позицию, мы тем самым признаем, что выступающие в языке грамматические категории, получающие, конечно, свое формальное выражение, сами по себе, то есть взятые в отдельности, еще не могут дать полного представления о глаголе. Насыщенный предикативным содержанием, он устанавливается не сепаратными признаками, а совокупностью их. Одного только отдельно взятого формального показателя далеко еще не достаточно для признания той или иной лексической единицы за глагол. Мы увидим, например, что начальные признаки временного деления могут проследиваться и в именном сказуемом, что спрягаемое по лицам слово вовсе необязательно является глаголом и т. п. (ср. тюркские языки, в которых изменение по лицам свойственно и именам, когда они выступают с предикативным значением, и т. д.).¹

Продолжая вести исследование по этому пути, мы останавливаемся на характеристике глагола как одного из представителей того члена предложения, функцией которого является выражение процесса, устанавливающего субъект высказывания в его реальной действительности, в бытии. Таким образом, когда речь идет о глаголе, приходится все время иметь в виду, что он выступает в позиции сказуемого. Этим, впрочем, еще не разрешается поставленная проблема. Сказуемое есть член предложения, глагол же относится к частям речи. Между тем, член предложения и часть речи представляют собой различные языковые категории, и, следовательно, наличие в предложениях сказуемого вовсе не влечет за собою обязательного утверждения о наличии тут же и глагола. Сказуемое — это одно, а глагол — это другое. Первое из них относится к области синтаксиса, а второй к области лексики. Правда, лексическая единица находится под влиянием и воздействием синтаксической, но тождества между ними все же нет, и знака равенства между ними провести нельзя.

Какую бы часть речи мы ни взяли, всегда установление ее требует выяснения синтаксической ее функции. Последняя выявляется при выступлении слова в той или иной синтаксической позиции. Следовательно, оно попадает в соответствующее его семантике членение предложения. На этой почве и возникает взаимоотношение части речи с членом предложения. Среди других частей речи в тех же условиях оказывается, конечно, и глагол. В названную часть речи входит только определенная группа слов, причем далеко не каждое слово может оказаться глаголом. Для этого требуется наличие соответствующих

¹ Ср. также самоедские языки, в которых начальные формы временного деления свойственны и именным формам сказуемого; см. ниже, стр. 38.

свойств, которыми обладало бы отдельно взятое слово, и наличие соответствующих признаков, которые давали бы основание к его отнесению в особую группировку. Таким образом, для выделения глагола необходимо определенное содержание слова, отвечающее требуемым свойствам и дающее основание к приурочению ему необходимых грамматических признаков, формально выраженных морфологическим путем. К глаголу приходится, таким образом, подходить и как к лексической единице с определенным ее смысловым содержанием и как к носителю определенного синтаксического значения.

В школьных грамматиках обычно указывается на то, что по своей семантике глагол выделяется как содержащий в себе понятие действия или состояния. Если сохранить за глаголом такое его определение, то все же потребуется некоторое к нему уточнение. Не всякое слово, содержащее смысловое значение действия или состояния, будет глаголом. Само слово «действие» остается именем существительным даже в том случае, когда в этом своем виде попадает в сказуемое. Оно остается именем, так как содержит предметное значение (субстанция) данного более общего понятия, хотя бы и не передающего представления о материальном предмете. Сохраняя такое значение, оно даже и в предикативном своем использовании не перестает быть именем существительным. Между тем, «действую» будет глаголом, а не именем существительным, потому что по одному своему оформлению обозначает не предметность в ее статике, а процесс, выражение которого составляет одно из свойств предикативности. Содержание процесса заимствуется глаголом из предложения и переносится на глагол как на часть речи. Тем самым получается лексическая обособленность глагола как самостоятельной группы. В то же время выступает неизбежная необходимость использования его в роли только, сказуемого и никакого иного члена предложения, так как основное выражение передаваемого высказыванием процесса содержится в предикате. Поэтому, когда глагольная основа выступает в положении другого, уже предметного члена предложения, то глагол перестает быть полноценным глаголом, и вместо него получают отглагольные формы, хотя бы и сохраняющие некоторые общие с ним признаки (ср. отглагольные формы причастия, уже атрибутивно-предикативные по своему содержанию).¹

Таким образом, глагол образуется благодаря его приобщению к свойствам предиката. Но признаки последнего весьма многообразны, и потому в каждом конкретном случае приходится устанавливать, какими предикативными свойствами обладает анализируемая нами часть речи, глагол, и в каких именно языках. Для разрешения этого вопроса потребуется выяснить, какие грамматические показатели свойственны сказуемому в данном языке и какие из них закрепляются за глаголом в том же языке. Это стоящее перед нами задание, весьма сложное по существу, все же не может быть обойдено, так как от него зависит точное установление характерных глагольных свойств не в общем, более отвлеченном, представлении о глаголе, а в конкретном его понимании как части речи, выступающей в определенных языковых системах и отдельных языках.

¹ Я сохраняю за причастиями наименование отглагольных форм, не отказываясь от той оговорки, которая была сделана в моей работе «Члены предложения и части речи» (стр. 239, прим. 3).

Вовсе не все свойства предиката становятся признаками той группы слов, для которой обычно выступление в синтаксической функции сказуемого. Вовсе не все грамматические категории последнего обращаются в грамматические категории глагола, в его грамматические показатели.¹

Член предложения имеет свои показатели, которыми он отличается от других членов предложения, выделяясь в общем составе предложения. Эти показатели члена предложения могут оказаться общими для любой выступающей в нем части речи, но могут и варьироваться по частям речи, лишь в последнем случае обращаясь в их показатели, то есть закрепляясь уже за ними. В таком положении находятся все члены предложения и все выступающие в них части речи. Следовательно, в таком же положении оказываются сказуемое и глагол. И тот и другой могут, при известных условиях, получать свои грамматические категории соответственно действующему строю речи. Их установление и является первоочередною целью предстоящих исследований.²

Проводя исследование в этом направлении, нам приходится все время обращать особое внимание на различные виды оформления предложений, на то различие, которое придает его формальной стороне. Каждое оформление имеет свое функциональное назначение и является носителем своего смыслового содержания. При этом грамматическую форму получают не только все предложение, но и слагаемые его части в словосочетаниях и отдельные слова. Эти грамматические формы свойственны предложению в его целом, свойственны также слову, выступающему в составе предложения, и дают исключительное разнообразие синтаксического и морфологического выражения. Они выявляют, с одной стороны, предложение и его членение, а с другой — используемые в предложении слова и их группировки (части речи). Следовательно, и при установлении последних особое значение приобретает выступающая в различных положениях грамматическая форма, используемая как в первой своей роли — в синтаксическом установлении члена предложения, так и во второй — в оформлении слов в тех же синтаксических и в своих собственных лексических свойствах.

Анализ грамматической формы при установлении отдельной части речи осложняется в особенности, когда нашей целью становится выявление тех разграничительных рамок, которые существуют между показателями членения предложения и показателями членения словарного состава, нередко выступающими также и в обоих значениях. Отказываться от выяснения этих разграничительных рамок все же не приходится, так как в противном случае легко прийти к смешению члена предложения с частью речи, что только затруднит установление специфических свойств последней.

¹ Так как грамматические признаки получают свое выражение в грамматических формах, то последние в частях речи могут выступать только морфологическими формами, тогда как в членах предложения грамматические формы могут получать также и узко-синтаксические выражения; ср. местоположение и т. п.

² Имея в виду не только оформление слов, но и построение всего предложения, я прослеживаю грамматическую форму в обоих. Тем самым устанавливаются грамматические формы для тех и для других. Эти грамматические формы в их взаимодействии выдвигают грамматические категории как в их морфологическом, так и в специально синтаксическом выступлениях, образуя грамматические категории частей речи и грамматические категории членов предложения.

Дальнейшее изложение, в связи со всем сказанным, придется начать с наименее ясных вербальных форм и даже с тех синтаксических конструкций, в которых вообще трудно усмотреть наличие глагола. Считаясь с тем, что глагольное оформление является выполнителем целого ряда синтаксических требований, мы неминуемо должны будем в первую очередь остановиться на тех построениях предложения и отдельных его частей, которые с этой стороны наиболее показательны и в то же время не дают обычной схемы строения языков, над которыми привык работать языковед. Приступая к ним, мы увидим, насколько сама вербальная форма зависит от действующих приемов морфологии и синтаксиса. Это обусловит и все последующее направление нашего исследовательского анализа, ставящего перед собою задачу не отрывать грамматической формы части речи от грамматического оформления всего синтаксического построения предложения, крайне сложного и крайне разнообразного.

2. ПРЕДИКАТИВНОСТЬ В ИНКОРПОРИРОВАННЫХ ПОСТРОЕНИЯХ

Значительные затруднения в различении членов предложения и частей речи представляют инкорпорированные предложения, образованные путем слияния основ. Наиболее сложными из них оказываются те, в которых исследователи усматривают совпадение предложения с построением слитного слова, получившегося из соединения корней в порядке синтаксического построения.

Такие необычные для нас конструкции предложений весьма разнообразны в своих отдельных схемах. Они иногда ограничиваются рамками синтаксических комплексов, передавая слиянием то, что в других языках передается различными приемами сочетания слов. Иногда они же дают одно смысловое целое, удовлетворяющее основным требованиям цельного высказывания.¹ Эти последние и представляют наибольший интерес богатством и своеобразием своего материала, отвечающего тем задачам, которые стоят сейчас перед нами.

Анализ таких предложений с содержанием законченного высказывания, построенных не словосочетанием, а слиянием основ, не дает четкого распределения сливаемых корней слов по частям речи, так же как не дает и разбивки предложения на его ведущие части. При всем этом, такого рода синтаксические конструкции могут вполне удовлетворять даже требованиям законченной по своему содержанию фразы. Они могут содержать в себе не только субъект высказывания и предикативный его признак, но также объект и разного рода атрибутивные характеристики. И все же получившееся слитное целое не разделяется даже на члены предложения.

Подобного рода синтаксические построения, не выделяя членов предложения, не выделяют и частей речи, хотя законченное суждение имеется налицо. Такое выделение членов предложения трудно усмотреть, например, в следующем инкорпорированном построении, привлекаемом мною по материалам тундренного диалекта юкагирского языка: «кõдедилендадил». В приведенном примере основы трех слов: «кõден'» — человек, «илен'» — олень и «тадил» — отдавание, в своем слитном сочетании имеют законченное содержание: человек отдал оленя.

¹ О двух видах инкорпорирования, полном и частичном, см. в моей работе «Члены предложения и части речи» (1945, стр. 23—33, 114—116).

или человек отдал оленью мясо. Выделившегося сказуемого нет в данном сочетании слившихся слов, так же как нет и глагольной формы.¹ И субъект, и предикат, и объект, представленные полными основами, целиком входят в одно инкорпорированное целое, передающее действие без оформления глагола. Здесь отсутствуют какие бы то ни было морфологические показатели, по которым можно было бы выделить сказуемое или уловить ведущие признаки глагола. Сочетание аморфных корней не дает требуемых для этого показателей.²

Другую разновидностью той же системы инкорпорирования является весьма часто встречающаяся в инкорпорированных языках более сложная конструкция, проводящая разделение сливаемых основ. Одни из них выступают как ведущие по своему смысловому значению, другие используются как их обслуживающие не только с атрибутивной стороны, но и со стороны уточнения их содержания в различных оттенках действия. Здесь уже можно видеть выделение служебных показателей. Тем не менее, даже наличие отдельных служебных показателей, включаемых иногда в инкорпорированные комплексы и ясно отличающихся от сливаемых корней с лексическим содержанием, все же не облегчает нашей задачи выделения соответствующего члена предложения и обычно в нем выступающей части речи. Препятствием продолжает оставаться применяемый языком синтаксический прием слияния, не дающий требуемой разбивки на члены предложения.

Такого рода служебные показатели синтаксического значения включаются в качестве оттенителей смыслового содержания всего слившегося комплекса корней, образовавшего единое смысловое целое. Они характеризуют не член предложения и, конечно, не часть речи, а все инкорпорирование целиком. Общее содержание этого законченного высказывания детализируется в процессе пере-даваемого в нем действия. Поэтому выделение членов предложения трудно усмотреть и в такого рода инкорпорировании, как коряцкое «накомайн'ытамйон'н'ыволамык».³ В нем содержится субъект действия «на-» — они, предикат «тамйон'» — хитрость, обманывание, объект «ламык» — нас, определение «майн'» — большой, показатель времени «-ко-» — сейчас и показатель продолжительности действия «-н'ыво-» — долго. Все они образуют слагаемые части одного целого и сливаются воедино, не выявляя обычного членения, которое свойственно языкам, применяющим для образования предложения совершенно иные синтаксические приемы.

В тольکو что приведенном коряцком примере содержатся даже такие части, которые легко могут быть поняты как предикативные показатели времени, интенсивности действия и т. д. Все же и они характеризуют все инкорпорирование целиком. Эти предикативные

¹ Приводимые примеры придаточных оборотов даны мне Е. А. Крейновичем.

² Более развернутая схема инкорпорирования с соответствующими примерами дается в той же упомянутой выше моей работе (стр. 23 сл.). См. также: Г. М. Корсаков. Инкорпорирование в палеоазиатских и североамериканских индейских языках. Сов. Север, IV, 1939, стр. 27—51; здесь дается материал языков чукотской группы, гилацкого и языка дакота. См. также описание структурных разновидностей инкорпорированного языка гренландских эскимосов у F. N. Finsk. Die Haupttypen des Sprachbaus. Aus Natur und Geisteswelt, Band 268, 2 Auflage, 1923, S. 31 f. f.

³ Пример заимствован мною из работы С. Н. Стебницкого «Нымыланский (коряцкий) язык», помещенной в сборнике «Языки и письменность народов Севера» (III, 1934, стр. 51).

по своему существу показатели вовсе не выделяют предиката из всего предикативно характеризуемого целого. К тому же один из этих показателей «-н'ыво-», отмечая в данном случае продолжительность действия, является одновременно и основой слова со значением *начало, начинать*, сохраняющего такое свое содержание в других сочетаниях сливаемых корней. Выражение же предикативности свойственно каждому высказыванию, откуда вовсе не следует, что всякое высказывание есть сказуемое. Последним называется член предложения, передающий содержание предикативности. Поэтому, при отсутствии других членов предложения, данное инкорпорированное построение коряцкого языка, содержащее целое высказывание, нельзя считать сказуемым.¹

Члены предложения и выявляемые части речи оказываются не в этой сложной инкорпорированной конструкции, а в переводе ее на какой-либо язык совершенно иной системы, построенной на сочетании слов, а не на их слиянии, например на русский: «они постоянно очень обманывают нас». В русском переводе «большое обманывание» обратилось в сказуемое и дало глагол с наречием «очень (сильно) обманывают». Показатель времени «сейчас, теперь» включился в глагольную форму, а показатель итеративности «постоянно» занял место наречия при том же сказуемом. Субъект и объект выделились на самостоятельную позицию подлежащего и прямого дополнения «они нас». В итоге получилось предложение с тремя его основными членами: подлежащим, сказуемым и прямым дополнением. Но это разделение имеется лишь в русском соответствии. В коряцком инкорпорировании его нет. Предикат в нем не обособился в отдельный член предложения (сказуемое). Предикат здесь остается понятийной категорией и не образует грамматического понятия сказуемого.

Все же этот и другие подобные ему примеры ближе стоят к нашему привычному пониманию глагола, чем приведенный выше юкагирский, с которого был начат нами обзор материала. В юкагирском примере все элементы слияния выступают значимыми словами без выделения из их числа служебных по своей синтаксической функции. Кроме того, все инкорпорирование составлено из сочетания имен.² В противоположность такому построению в нашем последнем примере уже выступают местоимения, которые легко утрачивают значение самостоятельного слова и обращаются в глагольные аффиксы. Они в общей схеме языкового строя получают тенденцию к сближению с основными передатчиками предикативности. Они доходят до слияния с ними, образуя местоименный строй спряжения.³ Хорошо известные формы последнего придают и этому построению видимость глагольного; ср. также чукотское «мынйаамэлг'аррачвун'маравмык». В нем слился ряд корней, как то: «йаа» — *далеко*, «мэлг'ар» — *ружье*,

¹ Я имею здесь в виду лишь инкорпорированные построения коряцкого языка, а вовсе не весь строй коряцкого языка вообще. В этом языке, так же как и в других языках той же чукотской группы, предложение может быть построено и морфологически оформленными словами. В последнем случае в том же коряцком языке дифференцируются как члены предложения, так и части речи. В их числе выделяется и глагол. Таким образом, в коряцком языке глагол имеется, но инкорпорированные построения того же языка не дают глагольной формы.

² Я употребляю здесь термин «имя» в широком его понимании, без дифференциации по частям речи; см.: Н. Я. Марр. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком. Избр. работы, II, стр. 417.

³ См. ниже, стр. 51.

«рачвун» — *состязание*, «марав» — *спор*. Весь этот слившийся комплекс замкнут служебными аффиксами: препозиционным «мын-» и постпозиционным «-мык», передающими 1-е лицо множ. числа с оттенком увещевания. Здесь как бы выступает глагол в увещательном наклонении: *(пусть) в даль ружьем (стреляя) состязаться (будем) споря мы*.

Перед нами, несомненно, синтаксическое построение с переменным сочетанием корней, не дающим единого словосочетания с цельным содержанием лексической единицы. Оно не дает разбивки по членам предложения, и потому трудно судить о выступающих в нем частях речи. Все оно, целиком, все же не глагол, хотя личные показатели с модальным оттенком сближают все корнесложение с глагольной формой.

Если такое инкорпорирование перестанет выражать законченное высказывание и включится как его составная часть в строй предложения при наличии других, уже выделенных, членов предложения, то оно само займет в его членении соответствующее ему место. Тогда оно же, насыщенное предикативным содержанием, выделится как сказуемое в противоположность другим членам предложения предметного содержания. Пока этого нет, и оно не оказывается сказуемым. Тем более оно не становится глаголом. Против последнего говорит и то, что оно своим синтаксическим словослиянием противоречит глагольной форме в тех же языках чукотской группы.¹

Ближе к глаголу стоят и такие инкорпорированные построения, как коряцкое «тыйамайн'ылаутыткынайкыплыг'э». В нем корни со значением: «майн'» — *большой*, «лаут» — *голова*, «ткын(а)» — *верхушка, конец*, «(й)кыплы» — *удар, ударить*, дополнены показателем 1-го лица начальным префиксом «ты-» и показателем 2-го лица единств. числа заключительным суффиксом «-г'э» в объектном значении, а кроме того, еще и показателем будущего времени вторым префиксом «-йа-»: *я сильно по голове сверху ударю тебя*.

Если из этого слияния корней изъять косвенный объект, то получится обычное субъектно-объектное построение глагола с оттенком интенсивного наклонения: «ты-йа-кыплы-г'э» — *я сильно ударю тебя*. Пока косвенное дополнение сливается с выразителем действия, приходится признать, что и в данном случае выступает инкорпорированный комплекс без членения предложения. Следовательно, и здесь имеются препятствия к признанию всего построения за обычную глагольную форму. В том же коряцком языке косвенное дополнение выступает отдельным членом предложения и не сливается с глаголом.

Еще ближе к глаголу будут такие построения, как чукотское «тымайн'ывалямнаркын» — *я («ты-») большой («-майн'-») нож («-вала-») точу («-мна-» из «пын'а» — точить)*.² Все сочетание с личным показателем вначале завершается глаголообразующим суффиксом «-ркын» в значении показателя настоящего времени, то есть получает обычную для чукотского языка схему глагольного образования. Здесь уже хотелось бы видеть глагол с инкорпорированным объектом.

¹ В языках чукотской группы, к которым принадлежит также и коряцкий, кроме инкорпорирования, широко используется словосложение, которое ясно выделяет в сказуемом его вербальную форму. При ней объект занимает самостоятельное место как прямого, так и косвенного дополнений.

² См.: Языки и письменность народов Севера, III 1934, стр. 7.

Пониманию такой формы как глагольной содействует наличие в ней обычных для того же чукотского языка вербальных показателей, в частности — конечного суффикса «-ркын» и начального префикса «ты-», выступающего глагольным показателем 1-го лица; ср. «ты-пэя-ркын» — *я покидаю* (кого-то третьего). Учитывая строй чукотского языка, приведенную выше форму с инкорпорированным объектом смело можно считать находящейся на грани перехода от инкорпорирования к глаголу. Она уже является носителем тех же предикативных показателей, как и глагол. Все же некоторым препятствием остается инкорпорирование объекта. В чукотском языке в неинкорпорированных построениях предложения объект может занимать место прямого дополнения, и тогда он не сливается с глаголом. Значит и в этом примере еще не выступает широко распространенная чистая глагольная форма. Она еще насыщена содержанием обычного инкорпорирования, передающего законченную мысль в своем едином построении сливаемых слов.

Если только что приведенные примеры из коряцкого и чукотского языков сравнить с гиляцким «урладухтуг'дь» — *хороший* («урла») *топор* («тух») *выбрал* («руг'» с предикативным показателем «-дь»), то оттенок, близкий к вербальной форме, выступит в первых более ясно. В гиляцком все слившиеся корни заканчиваются обычным для данного языка показателем предикативности «-дь». Это — показатель сказуемости, а не глагола. Им снабжается всякое сказуемое; ср. «урладь» в предложении «тух урладь» — *топор хороший* в смысле *топор хорош*. Тут ясно выступает сказуемое и совсем неясно выделяется глагол. В коряцком же и чукотском примерах наличествуют показатели субъекта и объекта, выраженные местоимениями, кроме того, показатели времени и модальности, чего нет в данном примере из гиляцкого языка.¹ Эти показатели сближают все построение с глагольным. Необычным остается только отмеченное выше инкорпорирование самого объекта (*большой нож* в чукотском примере и *по голове* в коряцком).

Такие формы находятся на грани, отделяющей инкорпорирование от словосочетания, так как по всей системе своего построения они еще не отрываются от обычного типа словослияния и вполне отвечают всем основным свойствам приведенных выше типичных инкорпорированных конструкций. Едва ли они представляют собою вторичное образование, выразившееся в осложнении глагола инкорпорированием объекта, хотя в конечном итоге при сравнении их с действующей глагольной формой они сближаются именно с нею. Вероятнее всего, что они являются остатками системы словослияния, уже осложненной развивающейся схемой служебных показателей предикативной значимости. Поэтому на той же переходной ступени находится и вербальная форма. Можно было бы сказать, что она вербализуется, но еще окончательно не стала вербальной; ср. чукотск. «ты-майн'-валымна-ркын» — *я большой нож точу*, где еще сохраняется инкорпорирование, и чукотское же «кляволя коран'ы тымыркын-эн» — *человек оленя убил*, где объект выступает прямым дополнением, в сказуемом же выделяется глагол. Если бы в чукотских языках

¹ И в гиляцком языке, в других его построениях, может оттеняться характер действия, его последовательность, совместность, видо-временные отношения и т. д. Все же положение глагола в этом языке продолжает оставаться неясным.

объект всегда сливался с предикатом примерно так, как атрибут в тех же языках сливается с им характеризуемым именем, то могла бы идти речь о своеобразном построении сказуемого и даже глагола. Этого на самом деле нет. Прямое дополнение при наличии глагола выделяется особым самостоятельным членом предложения. Значит, осознание вербальной формы требует в этих языках выделения объекта. При изъятии объекта, получающего обособленное в предложении место, вырисовывается уже глагольная форма. Пока такого разделения нет, легче говорить о слиянии выразителя действия с объектом его направленности или, в отдельных случаях, о слиянии сказуемого с объектом и труднее говорить о выступающих в них частях речи, хотя движение в сторону глагольного образования уже имеется.

Отсюда становится ясным, что о выделении чистой глагольной формы можно говорить только тогда, когда языковой строй проводит более детализованное членение предложения с выделением сказуемого и с последующей разгрузкой его от конкретизирующих дополнений (прямых и косвенных). Тогда вместо инкорпорирования выступают слова в их словосочетаниях, а разного рода предикативные показатели сосредоточатся в одном из них. Такое более детальное членение предложения можно проследить в тех же самых северных языках. В последнем случае и в них отчетливее выступают глагольные формы, носительницы одних только вербальных признаков. Среди них оказываются и такие формы, которые с первого взгляда производят впечатление того же самого двучленного предикативно-объектного слияния. В чукотских же языках нередко встречающееся тождество именных и глагольных основ может приводить к вербализации обоих составных элементов.¹ В этом их сочетании продолжает сохраняться прием слияния двух семантически значимых слов, но уже дающих оба одно построение осложненного глагола, то есть того, который в русском языке дает схему сложной глагольной формы («начали чаевать»); ср. коряцкие «чайон'волай» — (они) *начали пить чай* («чайо» — *чаевать*, «н'волай» — *начали*); или слитное атрибутивно-глагольное содержание, соответствующее русскому сочетанию глагола с наречием; ср. коряцкое же «йыкчаувэтатэ» — *он быстро работал* («йыкчау» — *спешить*, «вэтатэ» — *работал*). Подобного рода слияния допускаются языками чукотской группы, продолжающими во всем своем строе инкорпорировать слова атрибутивного значения, то есть признаки предметности и действия, признаки имени существительного и признаки глагола, передаваемые отдельными словами; ср. чукотское «тан'клявол» — *хороший* («тан'») *человек* («клявол») и коряцкое «йыкчаувэтатэ» в приведенном выше его значении. В разбираемых нами двух уже вербальных формах можно видеть глаголы с начальным и интенсивным оттенками повествуемого процесса. В этих осложненных инкорпорированием глаголах один из сливаемых элементов приобретает служебное содержание выразителя модальности.²

¹ В палеоазиатских языках одна и та же основа нередко не различается словообразующими морфемами на имя и глагол. Получая в предложении именные или вербальные словоизменятельные морфемы, такие основы выступают то именем существительным, то глаголом; ср. приводимый мною на стр. 132 пример из алеутского языка эскимосской группы.

² Приведенные мною гилацкие, чукотские и коряцкие примеры берутся из собственных моих записей, а также из работы Г. М. Корсакова «Инкорпорирование

Привлеченные мною примеры инкорпорирования идут от неясных в своем членении предложений к все более и более выясняющейся глагольной форме. Я начал с построений, в которых к ведущему слову с семантикой действия присоединяется уточняющий действие объект, к последнему прибавляются его характеризующие атрибуты. Все целое осложняется или не осложняется показателями различных оттенков действия (юкагирский пример и последующие за ним чукотские и коряцкие). В результате получается слившееся инкорпорированное целое. В нем тонет та невыделившаяся часть речи, которую, при иных условиях, можно было бы именовать глаголом. Последний ясно выступает, когда инкорпорирование разбивается на составные части, а слившиеся элементы утрачивают самостоятельное значение и остаются только со служебными. Еще яснее выступает глагол, когда служебные слова обращаются в служебные показатели, то есть когда инкорпорирование (слияние корней) переходит в агглютинацию, где ведущая по своему значению основа снабжается ее уточняющими служебными частицами; ср. чукотск. «ты-пэляркын-э-гыт» — *я покидаю тебя*. Тут выступает явно выраженный глагол в субъектно-объектном его построении («ты-гыт») с показателем настоящего времени («-ркын»).¹

Здесь мы, действительно, имеем глагол. Он выступает потому, что включается в цельную, выдержанную систему со своими постоянными показателями, дающими возможность составить таблицу изменяемых форм глагола. В итоге получается стройная парадигма спряжения. Когда этого нет, то затрудняется и выделение интересующей нас части речи. Все зависит от того, получилась ли действующая схема, построенная сочетанием постоянных признаков, или же служебные слова и даже служебные частицы являются переменными признаками и дают случайное объединение, подходящее только для данного синтаксического построения. Возьмем пример из альгонкинского языка (фокс): «ehkiwinamohtatiwach(i)». Вначале стоит временной показатель «eh» — *в то время*, дальше следует основа стержневого элемента «kiwi» — *движение*, затем между двумя фонетическими вставками «п» и «т» помещена усеченная основа «а» — *бегство*. Частица «oht» означает, что описываемое действие совершается в пользу субъекта; частица «ati» указывает, что действие совершается субъектом и направлено на объект; «wa» является показателем множ. числа, а «ch(i)» выражает 3-е лицо. Это развернутое построение слова означает, таким образом, что действие совершается в пользу субъекта, которым оказывается 3-е лицо множ. числа. Это действие направлено на другое лицо и состоит в том, что в определенное время (аорист в значении настоящего) это другое лицо двигается бегством.²

Привлеченный нами альгонкинский пример нередко приводится как образец синтетизма и инкорпорированного построения. Но, во-первых —

в палеоазиатских и североамериканских индейских языках» (Сов. Север, IV, 1939, стр. 48—50) и из статей В. Г. Богораза, С. Н. Стебниченко и Е. А. Крейновича, помещенных в сборнике «Языки и письменность народов Севера» (III, 1934). Более углубленный анализ инкорпорирования в чукотском языке с установлением действующих в этом языке норм данного синтаксического приема впервые в развернутом виде дается в диссертационной работе П. Я. Скорика.

¹ См.: В. Г. Богораз. Луораветланский (чукотский) язык. Сборн. «Языки и письменность народов Севера», III, стр. 34.

² Пример заимствован мною из работы Э. Сепира; см. его «Язык» (Русск. перев., 1934, стр. 55—56).